

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

Выпуск 10

(1936)

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1957

МОСКВА • ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

Sarton George. Remarks on the Study and the Teaching of arabic. «The Macdonald Presentation Volume» (London, 1933, pp. 333—347).

Sarton, член Института Карведжи в Вашингтоне, более известен в науке как автор «Introduction to the History of Science», где выявляется, между прочим, значение арабистики для понимания средневековой мысли, и как редактор журнала, посвященного истории науки «Isis».¹ В данной брошюре он излагает свою точку зрения на метод изучения арабского языка и систему его преподавания.

Поскольку умение читать на каком-либо языке дает лишь несовершенное и неполное знание его, Sarton советует желающим изучить арабский язык — для исследовательской ли работы или для утилитарных целей — прежде всего овладеть каким-нибудь живым арабским диалектом, ибо народный язык всегда был и будет колыбелью для литературного арабского языка (стр. 335—336).

Среди западных ориенталистов господствует презрительное отношение к народному языку и есть тенденция его игнорировать, считая его слишком далеким от классического языка, чтобы оказаться сколько-нибудь полезным для историка. Такая точка зрения является недоразумением: прежде всего, народный язык бывает различным, смотря по тому, к какому времени, месту и общественному классу он относится. Говоря о народном языке, Sarton имеет в виду не говоры феллахов или неграмотных людей, а язык образованных горожан, который, будто бы, очень близок к языку современных газет (стр. 336—337). И с узколингвистической стороны народ-

ный язык безусловно необходим для того, чтобы в совершенстве понимать классический арабский язык (стр. 337).

Различия между отдельными диалектами Sarton признает, однако считает, что размер их часто преувеличивают. Сирийца, разговаривающего с египтянином, нередко смущают или смешат выражения, которых он не употребляет или применяет в совершенно другом значении, но понимать друг друга они все же в состоянии (стр. 338). Немалую роль играет здесь и социальное расслоение: образованный египтянин-мусульманин легче столкнется с образованным сирийцем-мусульманином, чем, напр., с неграмотным ливанцем-христианином (стр. 340). Более значительно отклоняются от диалектов Востока (т. е. Сирии, Египта и т. д.) говоры Магриба (стр. 339).

Практические предложения Sarton'a сводятся к следующему: западным арабистам необходимо свободно владеть арабским языком в разговоре и письме. Для этого им нужно, ознакомившись с книжным языком (что сейчас является конечной целью учебы), провести по крайней мере 2—3 года на Ближнем Востоке. Им следует находиться в окружении лиц, говорящих исключительно на арабском языке. Полезно было бы также приобрести некоторое знакомство с еврейским (древним и современным) и сирийским языками. Последнее, однако, факультативно (стр. 341).

В принципе все американские ученые-арабисты должны владеть народно-арабским языком. На каком диалекте остановиться, Sarton затрудняется сказать, ибо предвидит большое расхождение во мнениях; все же он предпочитает какой-нибудь восточный диалект магрибскому говору. Более предприимчивые студенты смогли бы побраться в пусты-

¹ Некоторые сведения о Sarton'e имеются у Cattel, «American Men of Science» (New York, 1933), 972—973.

ню и там изучать живой язык из уст бедуинов, хотя это отдалило бы их от современного живого арабского языка, который развивается не в пустыне, а в городах. Выбор надо, поэтому, ограничить Египтом, Сирией и Ираком, где находятся главные культурные центры восточного ислама: Каир, Дамаск, Багдад. Говоря о том, какой из этих трех диалектов выбрать, Sarton тем самым молча признает, что отличия их достаточно велики, чтобы вставал вопрос о выборе. Лично он рекомендует американской публике сирийский диалект, не только по каким-нибудь внешним его достоинствам, но и из-за более существенных причин. На сирийском диалекте говорят в Сирии и Палестине не только мусульмане, но и многочисленное христианское население. В Сирии разнообразие сект, масса исторических памятников, особенно в Палестине. Имеется там много американских организаций, а с другой стороны, много сирийцев воспитывалось и живет в Америке, содействуя, тем самым, постоянной связи между этими двумя странами.¹ Жизнь в Сирии дешевле, чем в Египте, Ираке или Палестине, к тому же в Американском университете в Бейруте американских студентов ждут хорошие условия для работы. Другим местом для изучения арабского языка является Еврейский университет в Иерусалиме, где можно усвоить также и современный (древне-) еврейский язык. Sarton советует лето провести в Иерусалиме, а остальное время в Бейруте, так как отличия между диалектами этих двух городов минимальны (стр. 342—343).

¹ Sarton приводит сведения из последней переписи населения США от 1 IV 1930 г., согласно которой в США имеется 148 022 человека, происходящих из Сирии и Палестины. Из них 63 862 человека родились на Востоке, а 67 830 — назвали арабский язык родным.

Как бы хорошо американские ориенталисты ни знали арабский язык, было бы целесообразно дать им в помощь ассистентов-туземцев, как это уже практикуется в *École des Langues orientales vivantes* в Париже и в *School of Oriental Studies* в Лондоне (стр. 344). При этом желательно, чтобы арабы-ассистенты рекрутировались из числа уроженцев одного города, напр. из Бейрута, стандартизируя, тем самым, обучение живому арабскому языку в Америке. Никому не должно быть разрешено преподавать арабский язык, если его произношение непонятно для прирожденного араба (стр. 345). Сейчас многие преподаватели прививают студентам неправильное произношение, и никто против этого не протестует. Sarton не настаивает на монопольном праве сирийского диалекта, но считает безусловно необходимым изучать реальный арабский язык, а не создавать несуществующую компиляцию, понятную в аудитории американского профессора, но отнюдь не на Востоке (стр. 346).

В заключение Sarton предлагает взамен многочисленных курсов арабского языка создать крупные институты при нескольких университетах, где можно было бы обеспечить качественный подбор профессоров и с помощью соответствующего числа ассистентов-туземцев создать арабскую языковую атмосферу. В этом случае студент смог бы добиться приличных знаний языка еще до его поездки на Восток, без чего не должно присуждать ученых званий: от кандидата следует требовать по крайней мере годичного пребывания на Востоке, для получения же докторского звания срок этот надо увеличить до 2-3 лет (стр. 347).

Брошюра Sarton'a тем интересна, что она показывает, что старая система изучения арабского языка в Америке

уже не соответствует современным требованиям. В самом деле, что было бы, если бы преподавание русского языка начиналось с древних рукописей и лишь в виде курьеза допускалось бы знакомство с современным русским или украинским языками? И сейчас, когда вопрос о подготовке полноценных кадров — арабистов-теоретиков и практиков — приобрел у нас особую остроту, нелишне было бы призадуматься над предложением Sarton'a. Возможно, что Sarton несколько увлекается: изучение живых диалектов, конечно, очень полезно, но не необходимо для занятий, напр. литературой; заметно у Sarton'a также стремление сгладить отличия между отдельными говорами народного языка. Но все же нужно всячески приветствовать попытку увязать изучение арабского Востока с непосредственным знакомством с живыми арабами и живым арабским языком.

Я. Виленчик.

Kratchkovsky, Ignatius. *Kitāb al-Badī' of 'Abd Allāh Ibn al-Mu'tazz.* Edited from the unique ms. in the Escorial, with introduction, notes, and indices (London 1935), XXIII + 31 + 142 p. [E. J. W. Gibb Memorial Series, New Series, X.]

История арабской поэтики не может быть создана без решения вопроса о чужих влияниях на арабское стихотворство, или же об оригинальном характере ее. Этим вопросом акад. И. Ю. Крачковский начал заниматься уже с 1908 г. Предположение об индийском или персидском влиянии вскоре было им отвергнуто. Более сложным оказался вопрос об отношении арабов к поэтике Аристотеля. На основании одних лишь арабских материалов И. Ю. Крачковский и в данном случае пришел к выводу об отсутствии чужих влияний. Работы

Ткача, использовавшего греко-сирийские материалы, подтвердили правильность такой точки зрения.

Если вопрос об оригинальности арабской поэтики был, таким образом, решен положительно, то оставалась еще проблема о приоритете арабского исследования о поэтике *Kitāb al-Badī'*, составленного Ibn al-Mu'tazz'ом. Начиная с 1909 г., И. Ю. Крачковский изучал все сохранившиеся сочинения этого писателя, равно как и всякие другие сведения о нем и о его литературных произведениях. Им он посвятил целый ряд своих исследований. В 1914 г. удалось получить фотоснимки с единственной рукописи *Kitāb al-Badī'*, хранящейся в Эскуриале. С того времени в продолжение многих лет шла непрерывная и очень трудная работа по изданию текста. В 1916 г. был сделан русский перевод, через год было готово предварительное исследование. Объем его очень обширный: есть характеристика творчества Ibn al-Mu'tazz'a, издано одно из его сочинений (*Kitāb al-Ādāb*), приводятся извлечения из *Ṭabaqāt aš-Šuṣaṭā'*, дается анализ его главного труда *Kitāb al-Badī'*, история арабской поэзии до IX в. включительно, обзор влияний сочинения Ibn al-Mu'tazz'a на аналогичные произведения. Обстоятельства того времени не позволили полностью опубликовать всю работу: в течение почти 15 лет И. Ю. Крачковский в отдельных статьях освещал части данной проблемы, с каждым годом все более разрабатывавшейся и вместе с тем росшей по объему своему.

В 1933 г. Президиум гиббовского фонда, учрежденного для издания классических работ арабов и арабистов, предложил опубликовать критический текст *Kitāb al-Badī'*. В настоящее время издание готово, и тем самым завер-